

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

1886.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПЯТНАДЦАТИ ТАБЛИЦЪ.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 л., № 12.

1887.

Muhammed's» (Hannover 1863) ¹⁾. Второй отдѣлъ страдаетъ прежде всего полнымъ несоотвѣтствіемъ съ заглавіемъ всей книги. Авторъ намъ объясняетъ изслѣдованія объ исламѣ и даетъ намъ только разсужденія о Коранѣ, что далеко не одно и то же. Въ примѣчаніи къ стр. 133 авторъ вполне безуспѣшно старается оправдать свою точку зрѣнія. Было бы совершенно безцѣльно указывать разные болѣе или менѣе крупныя промахи, допущенныя авторомъ въ предѣлахъ, которые онъ самъ себѣ поставилъ. Поверхностное пониманіе имъ «сущности» ислама и его вліянія ясно обрисовывается на каждомъ шагѣ. Совершенно достаточно отмѣтить его тирады о крайнемъ фатализмѣ, который будто-бы «всегда вливалъ разъядающій и смертоносный ядъ въ духовное существо мохаммеданина» ²⁾, дѣлалъ его безучастнымъ къ добру и злу, равнодушнымъ ко всему окружающему и пр. и пр. — Резюмируя все сказанное, мы должны къ сожалѣнію признать книгу г. Боголюбскаго совершенно несоотвѣтствующей своей цѣли. Это тѣмъ болѣе жаль, что популярное, но вмѣстѣ съ тѣмъ основательное изложеніе біографіи Мухаммеда, его ученія и дальнѣйшихъ судебъ основанной имъ религіи несомнѣнно составляетъ *desideratum* въ русской литературѣ и вѣроятно было бы встрѣчено съ большимъ сочувствіемъ образованной публикой.

В. Р.

31. Образцы народной литературы сѣверныхъ тюркскихъ племенъ. Собраны В. В. Радловымъ. Часть V. Нарѣчіе дикокаменныхъ Киргизовъ. СПб. 1885. XXVI + 599 стр. 8°. — Proben der Volkslitteratur der nördlichen türkischen Stämme, gesammelt und übersetzt von Dr. W. Radloff. V Theil. Der Dialect der Kara-Kirgisen. St. P. 1885. XXVIII + 603 p. 8°.

Этотъ пятый томъ капитальнаго труда В. В. Радлова содержитъ образцы народной литературы Кара-Киргизовъ, живущихъ «на сѣверныхъ склонахъ Тянь-Шаня по р. Текесу, къ югу отъ озера Иссыкъ-Куля, въ долинахъ р. Чу, вдоль главнаго хребта; по направленію къ Кашгару и къ западу до г. Кокана и р. Таласа».

Образцы эти состоятъ изъ ряда эпическихъ эпизодовъ, которые издатель раздѣлил на три группы: *Первая* (стр. 1 — 371) озаглавлена имъ Манас, по имени богатыря, который въ ней является въ большей или меньшей мѣрѣ главнымъ героемъ. *Вторая* группа (стр. 372 — 529), Жолоі Кан,

1) Я нарочно указываю именно на это сочиненіе потому, что оно очевидно могло быть доступно нашему автору.

2) См. стр. 192 — 194.

всецѣло посвящена описанію подвиговъ и жизни этого богатыря. *Третья* группа (стр. 530 — 593) Эр-Тѣштюк даетъ намъ эпическій пересказъ сказки объ Ер-Тѣштюкѣ, помѣщенной въ IV томѣ Образцовъ. Кромѣ этихъ большихъ пѣсенъ въ 5-омъ томѣ помѣщены еще нѣсколько мелкихъ пьесъ (стр. 590 — 602) элегическаго характера, названныхъ въ русск. предисловіи стр. XXVI довольно неудачно «плачевными» пѣснями. Въ предисловіи даются весьма важныя замѣтки и соображенія объ условіяхъ эпическаго творчества вообще и у Кара-Киргизовъ въ особенности, причѣмъ затрогивается также и «Гомеровскій вопросъ». Намъ кажется, что всѣ занимающіеся изученіемъ произведеній народнаго творчества прочтутъ это предисловіе съ великой для себя пользой и съ большимъ интересомъ. Прочитавъ же его, они непременно заглянутъ и въ переводъ самыхъ пѣсенъ, чтобы провѣрить, на сколько возможно, положенія высказанныя въ предисловіи, и — мы убѣждены въ томъ — искренно поблагодарятъ издателя-переводчика какъ за переводы такъ и за предисловіе. Но именно въ виду большаго значенія этого тома не только для тюркской филологіи, но и для изученія народной поэзіи вообще, значенія, обезпечивающаго ему обширный кругъ читателей неспециалистовъ, мы находимъ нужнымъ высказать здѣсь нѣсколько замѣчаній, съ которыми, какъ намъ кажется, согласится всякій, кто просмотритъ новый трудъ почтеннаго академика съ нѣкоторымъ вниманіемъ.

Переводъ пѣсенъ на нѣмецкій языкъ сдѣланъ стихамп. В. В. Радловъ рѣшился на это подъ влияніемъ содержанія пѣсенъ и живости ихъ изложенія, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи, стр. II. «Переводя эти пѣсни стихами» продолжаетъ онъ, «я всячески старался не отступать отъ текстовъ, такъ что стихи перевода соотвѣтствуютъ, съ весьма незначительными исключеніями, стихамъ оригинала». Трудность задачи предстоявшей переводчику понятнѣо увеличилась весьма значительно благодаря этому добровольно принятому на себя обязательству и мы нѣсколько не удивляемся, что «это-то обстоятельство и замедлило нѣсколько изданіе пятаго тома, тексты котораго уже въ 1876 году были совершенно готовы для печати». Переводить стихами поэтическія произведенія восточныхъ литературъ по нашему крайнему разумнію — дѣло весьма рискованное и въ большинствѣ случаевъ бесполезное. Хорошій, точный, прозаическій переводъ всегда будетъ гораздо полезнѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Нуженъ огромный поэтическій талантъ, чтобы сдѣлать переводъ стихами способнымъ вызвать въ читателѣ эстетическое наслажденіе, и мы во всей нѣмецкой¹⁾ литературѣ, столь бо-

1) Нѣмецкіе ориенталисты всегда отличались какою-то страстью переводить стихами.

гатой переводами восточныхъ произведеній, могли бы указать только на переводы Рюккерта какъ на соотвѣтствующіе до извѣстной степени всѣмъ требованіямъ. Не отрицая въ В. В. Радловѣ нѣкотораго поэтическаго таланта, мы всё-же находимъ, что его переводъ не производитъ желаемаго впечатлѣнія. Слишкомъ часто замѣчаются слѣды усилій, которыя дѣлаеть переводчикъ, чтобы втиснуть содержаніе киргизскаго стиха въ рамки нѣмецкаго, слишкомъ уже трудно понятны мѣстами эти тяжелые трохеи. Переводчикъ, столь глубоко проникшій во всѣ тайны тюркской рѣчи, невольно заразился духомъ ея и повидимому совсѣмъ забылъ, что тюркская конструкція совершенно не подходитъ къ нѣмецкой или вообще къ индоевропейской. Этого вполне достаточно, чтобы отбить всякую охоту переводить тюркскіе стихи нѣмецкими такъ, чтобы стихи текста и перевода соотвѣтствовали другъ другу. Специалистъ не нуждается въ этомъ, а неспециалистъ только напрасно теряетъ время, распутывая и разгадывая тюркско-нѣмецкіе періоды. Между тѣмъ эти произведенія народнаго творчества *кочеваго* народа уже сами по себѣ представляютъ для культурнаго человѣка, хотя бы онъ и всю жизнь занимался изученіемъ народной поэзіи, столько страннаго и труднаго, что, право, незачѣмъ затруднять пониманіе ихъ еще мудренымъ расположеніемъ нѣмецкихъ словъ и сжатымъ нерѣдко до невозможности способомъ выраженія. Для того, кто, пробѣгая бѣгло всю книгу, желаетъ получить только общее понятіе о духѣ этой поэзіи, объ этомъ любопытнѣйшемъ *эпосъ въ зародышѣ*, если позволено такъ выразиться, всѣ указанные недостатки болѣе или менѣе исчезаютъ подъ вліяніемъ радостнаго чувства, которое доставляетъ это вниканіе въ тайны эпическаго народнаго творчества, это наблюденіе за ростомъ и развитіемъ эпоса. Но когда останавливаешься на частностяхъ, когда стараешься отдавать себѣ отчетъ въ смыслѣ и значеніи каждаго стиха, каждаго выраженія, каждой поэтической картины, тогда встрѣчаешь слишкомъ часто шероховатости, неясныя или даже совсѣмъ темныя мѣста, и невольно является мысль, что переводчикъ сдѣлалъ бы гораздо лучше, употребивъ хотя бы пятую часть времени, ушедшаго на сложеніе болѣе или менѣе удачнаго трохайческаго стиха, на составленіе *прозаическаго* перевода и сотни, другой, коротенькихъ примѣчаній, которыя, право, были бы не лишніи во множествѣ случаевъ. Эта мысль привяжется тѣмъ сильнѣе, что вѣдь прозаическій переводъ нисколько не повредилъ бы и общему впечатлѣнію и интересныя въ отношеніи къ «эпическому вопросу» черты пѣсенъ выступили бы съ меньшей рельефностью и въ такомъ переводѣ. Другія же, болѣе мелкія, но тѣмъ не менѣе очень характерныя черты эпическаго, да и всякаго народнаго творчества, какъ напр. постоянство эпитетовъ, при всемъ стараніи переводчика, должны по необходи-

мости сглаживаться подъ давленіемъ метрическихъ требованій: одинъ разъ для стоящаго въ текстѣ эпитета нѣтъ мѣста въ переводѣ, другой разъ приходится вставить эпитетъ, гдѣ его нѣтъ въ текстѣ, третій разъ нужно замѣнить выразительное, точное выраженіе пѣвца блѣднымъ, неопредѣленнымъ прилагательнымъ только потому, что болѣе подходящее и поэтическое не укладывается въ данный трохаяческій стихъ. Выигрываетъ-ли отъ всего этого пресловутая «живость изложенія», которая и побудила переводчика къ сложенію его трохеевъ, это большой вопросъ. Но несомнѣнно одно, что отъ перевода назначеннаго не для эстетическаго наслажденія, а для научнаго изслѣдованія, нужно прежде всего требовать возможной точности и ясности. Это требованіе тѣмъ болѣе умѣстно въ нашихъ пѣсняхъ, что записываніе ихъ было сопряжено съ разными затрудненіями, которыя, какъ признаетъ самъ В. В. Радловъ, сдѣлали невозможной вполнѣ точную передачу ихъ. Поэтому «стихи мною записанные» читаемъ мы въ предисл. XIX, нѣм. изд. XX «потеряли во многихъ отношеніяхъ» («so haben denn die aufgeschriebenen Verse viel an Frische verloren»). Дальнѣйшее разжиженіе ихъ (sit venia verbo!) не вполнѣ точнымъ переводомъ конечно не желательно. Пояснимъ всё сказанное немногими примѣрами, взятыми на удачу.

Кого не поразитъ конструкція въ стихахъ 1336 — 39 (стр. 46 перевода, 45 текста)?

«Wenn, den Jagdhund, der am Leitseil,
 «Deinen Falken auf der Faust,
 «Auf den Weg du dich gemacht hast,
 «Auf der Hand der weisse Falke,
 «Wenn du fliegen liess'st den Falken, etc.

или, ст. 73 — 80 (стр. 3 перевода, 3 текста)

«Als Jakyp die Worte hörte,
 «Nahm 'nen Pässer¹⁾ er, 'nen bunten,
 «Bracht ihn her und sattelt ihn,
 «Dessen Kragen Gold, die Aermel Kupfer,
 «Seinen vogeläug'gen Panzer,

1) Это слово, если оно можетъ быть и встрѣчается въ нѣм. литературѣ, во всякомъ случаѣ крайне рѣдкое; г. Радловъ имъ почти вездѣ замѣняетъ общезвѣстное «Passgänger», которое неудобно для размѣра; послѣднее тѣмъ не менѣе встрѣчается иногда, но стихъ вслѣдствіе этого конечно выходитъ не важный (см. и. пр. стр. 396, ст. 815—16).

«Mit dem Passgänger, der Stute,
 «Uebnachtete die Nacht er.

«Der mit Golde reich verzieret,
«Der mit Silber wohl geschmücket,
«Diesen Panzer zog er an.

Трудно понять безъ нѣкоторыхъ разъясненій стихи въ родѣ слѣдующихъ (ст. 287—92, стр. 15):

«Lass für diese Welt und's Jenseits
«Uns das Beste jetzt erforschen,
«Für die rothe Seel', die haargleich,
«Kulkuldabat kualdat,
«Lass des Koran's Red' erkennen,
«Lass uns jetzo Moslim werden.

Что значать здѣсь оставленные безъ перевода варварскія слова? Намъ кажется, что не всякій сразу отгадаетъ, что они должны изобразить подражаніе звукамъ языка Корана ¹⁾. Примѣчаніе тутъ было бы крайне нужно.

Уклоненія ради размѣра отъ точности въ передачѣ эпитетовъ, разумѣется, встрѣчаются весьма часто, не смотря на видимую заботливость и внимательность переводчика.

Возьмемъ тѣ-же самые стихи приведенные выше (т. е. 1336 — 37, стр. 46 перевода, 45 текста). Въ нихъ слова *собака* и *соколъ* сопровождаются эпитетомъ *блѣлый* (ак). То-же самое напр. на стр. 396 перевода, стихъ 816, 820, 847, гдѣ пропущенъ эпитетъ *бос* (сѣрый), который наоборотъ, прибавленъ тамъ-же, стихъ 825, гдѣ его нѣтъ въ текстѣ и замѣненъ эпитетомъ «блѣлый» въ стихѣ 842. Въ послѣднемъ мѣстѣ впрочемъ не размѣръ виноватъ. См. еще эффектное мѣсто въ элегіи на смерть Янтая, гдѣ шесть стиховъ сряду начинаются словомъ *ак* (стр. 591—92, ст. 53—58) и гдѣ въ переводѣ (стр. 596) эпитетъ два раза пропущенъ. Въ другихъ мѣстахъ являются самодѣльные эпитеты; см. напр. стихъ 1731 стр. 193 (стр. 191 текста) *Stieg auf seinen gelben Schecken Alman Bet, der Heldenfreund*²⁾ или на стр. 1, ст. 3: *Böjön Kan's, des Fürsten, Sohn.* — Словомъ «bunt», весьма блѣднымъ и неопредѣленнымъ г. Радловъ немного злоупотребляетъ; «bunte Wolken» (стр. 398 перевода, ст. 898 = стр. 395 текста) «den bunten Bart» (стр. 598, ст. 3 = стр. 594, ст. 3 текста), «'nen bunten

1) Они встрѣчаются еще разъ нѣсколько выше, стр. 13, стихъ 217 и также передъ словами «lass des Korans Red' erkennen». Они, можетъ быть, испорчены изъ арабскихъ словъ, составляющихъ начало 112-ой суры Корана «кул ху аллаху ахад». Впрочемъ это только предположеніе и мы были бы рады узнать мнѣніе г. Радлова на этотъ счетъ.

2) Сар'аланы минді деит, сар'ала миніп Алман Бет.

Pässer» (стр. 3, ст. 74 перевода и текста). Въ первомъ случаѣ въ текстѣ стоитъ *кѡк ала*, во второмъ *ала*, въ третьемъ *ала баш*.— Представьте себѣ киргизскаго богатыря-дикаря, который вдругъ видитъ предъ собою прелестную дѣвицу: красота ея ему буквально *не въ тертежъ*, въ чемъ онъ весьма просто ей и признается, въ объясненіе имѣющихъ слѣдовать за этимъ признаніемъ дѣйствій; вложите ему въ уста тривіально-сентиментальныя слова (стр. 399, ст. 909 = текстъ стр. 395)

«Kann die Herrlichkeit kaum fassen

которыя должны передать энергичное выраженіе подлинника

«Кылыбыца кантін чыдайн?» (= какъ мнѣ терпѣть твою красоту?)

— и вы получите прекрасный образчикъ «разжиженія» народной киргизской пѣсни, достигнутаго единственно благодаря страсти къ сложенію трохеевъ. Мы взяли на удачу первыя попавшіяся намъ страницы; не трудно было бы привести еще много такихъ примѣровъ, но это было бы вполне безцѣльно. Само собою разумѣется, что В. В. Радлову ровно ничего не стоило бы избѣгнуть всѣхъ такихъ недосмотровъ, если бы онъ не увлекся идеей перевода стихами. Переводя прозой, онъ выигралъ бы массу времени и это время могло бы быть употреблено съ величайшей пользою для науки м. пр. на окончательное приготовленіе къ печати его громадныхъ лексикографическихъ матеріаловъ, изданіемъ которыхъ онъ достойнымъ образомъ увѣчалъ бы свои труды, посвященные сѣвернымъ тюркскимъ племенамъ.

Въ заключеніе мы позволимъ себѣ сказать еще нѣсколько словъ о русской редакціи предисловія. Становится положительно досаднымъ за автора, когда видишь, какъ искажаются его умныя и всѣскія мысли благодаря неумѣлости переводчика или небрежности корректора. Иногда въ русской редакціи стоитъ прямо противоположное тому, что читается въ нѣмецкой. Ср. н. пр. стр. XXVI нѣмецкаго предисловія: *Sie sind nicht die Schörfungen des Individuums, sondern das im Volke Entstandene, das aus der Periode der ächten Epik Geschöpfte, die Bausteine, aus denen der Dichter sein Epos geschaffen.* Это передается по русски такъ (стр. XXV): *Они являются созданіями отдельной личности по твореніямъ народа, взятые изъ періода истинной эпики, они составляютъ матеріалъ, изъ котораго поэтъ создалъ свой эпосъ.* Нѣсколько выше, на стр. XXV нѣм. предисловія: *«Der Culturmensch kann aber nur dann das Fühlen und Denken des Volkes zu einem solchen Gesamtbilde vereinigen, wenn dem ganzen Volke dieses Gesamtbild in Theilbildern noch vorschwebt»*, и пр. По русски (стр. XXIV)

Культурный человекъ съ своей стороны можетъ только тогда соединить все чувствованія и стремленія народа въ одно цѣлое, когда въ отдѣльных личностяхъ еще живетъ эта общая картина въ отдѣльныхъ эпизодическихъ начертаніяхъ и пр. Стр. XXIV: «Wir können somit aus der Entstehung des finnischen Epos so viel für die Entstehung des Epos überhaupt sehen, dass das Abfassen eines Epos nur ein Mann unternehmen kann, der selbst ein Volksdichter, ein epischer Sänger seiner Zeit ist. Ist die wahre epische Zeit verstrichen, wie bei den Finnen, so bedarf es zu der Verfassung einer jahrelang unter Mitwirkung vieler Gehülfen ausgeführten sorgfältigen Sammlung von kleinen Episode-Liedern, bis die Fülle des Materials dem Sänger einen Einblick in das Ganze giebt. Steht aber der Verfasser der ächten epischen Periode der Volkspoese näher, d. h. ist das Bewusstsein vom Gesamtbilde des Epos in jedem einzelnen Gliede des Volkes noch lebendig, so muss der Verfasser ein berühmter Aöde sein, der, noch ehe er den Entschluss fasst das Epos niederzuschreiben, in sich selbst eine möglichst umfangreiche Masse von Theil-Bildern verarbeitet hat». По русски (стр. XXII—XXIII): «Мы можемъ изъ возникновенія финскаго эпоса заключить о возникновеніи эпоса вообще, что составлять эпосъ можетъ только человекъ, который самъ народный пѣвецъ своего времени. Если настоящій эпическій періодъ миновалъ, какъ у Финновъ, то понадобится для составленія его собраніе множества маленькихъ эпизодныхъ пѣсенъ, которое исполнимо только при содѣйствіи многихъ соучастниковъ и въ теченіе многихъ лѣтъ, тогда только избытокъ матеріала способствуетъ пѣвицу выкинуть въ общій эпосъ. Если же напротивъ того составитель эпоса стоитъ ближе къ настоящей эпикѣ, т. е. если сознаніе объ эпосѣ живетъ еще въ каждомъ членѣ общества, тогда составителемъ долженъ быть извѣстный аудѣ, принявшій въ себя до начала составленія большое число частицъ картинъ и эпизодовъ».

Такихъ мѣстъ, положительно неудобныхъ въ академическомъ изданіи, въ предисловіи не мало. Мы надѣемся, что В. В. Радловъ намъ въ ближайшемъ будущемъ дастъ новое исправленное изданіе этого предисловія, расширенное въ томъ направленіи, на которое онъ самъ указываетъ на стр. XXVI.

В. Р.

32. Jacob (G.), Der Bernstein bei den Arabern des Mittelalters. Berlin. 1886, 12 стр. 8°

33. Его-же, Welche Handelsartikel bezogen die Araber (?) des Mittelalters aus den nordisch-baltischen Ländern? Leipzig. 1886, 41 стр. 8°.